

**ЗЕМСКИЙ СОБОР 1613 ГОДА И ПЕРСПЕКТИВА
ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ**

Тульский государственный университет

Bajenov A.M., Martynova T.M.

**ZEMSKY SOBOR 1613 YEAR AND OUTLOOK DEMOCRACY
ARRANGEMENT RUUSSIA**

Tula state university

Реферат. Анализируется роль и историческое значение Земского собора 1613 года для судеб русского народа и государства. Высказывается предположение о том, что Земский собор заложил первые ростки будущего демократического устройства общества. Показывается связь между историческим событием XVII века и современным состоянием российского общества. Раскрываются сложности и трудности, которые проявляются в политической жизни современной России.

Ключевые слова: Земский собор, политическая власть, государство, народ, церковь, выборы, демократия, перспектива.

Abstract. Analyse role and historical meaning Zemsky sobor 1613 year for fates Russian people and state. Saying speak out supposition of that, what Zemsky sobor lay first growths future democracy arrangement society. Show oneself connection between historical event XVII century and contemporary condition Russian society. Open complications and difficulty which display in political life contemporary Russia.

Key notions: Zemsky sobor, political power, state, people, church, elections, democracy, outlook.

История вступления на престол в Русском государстве династии Романовых дает основание утверждать, что у страны была и перспектива свободы, и перспектива демократического устройства.

С воцарением Михаила Романова русские люди полагали, что власть царя и патриарха не может быть надзаконной, она должна осуществляться в соответствии с желанием народа, в согласии с ним. Перестрадав Опричнину и Смуту, русские люди были убеждены, что и в государстве, и в церкви единовластие должно соединяться с соборностью по формуле — «правителю — власть, народу — мнение».

Представительский сегмент власти на низовом уровне в Русском государстве не пресекался никогда: сотни, слободы, сельские и волостные сходы существовали и до Орды, и при Орде. Оформление этой демократической традиции на общегосударственном уровне совпадает с установлением царской власти.

В XVII веке на заседании Земского собора русские люди избрали путь закономерного сотрудничества царя и народа. Государь не столько допускал существование сдерживавшего его «парламента», сколько узнавал на Соборах волю своих подданных, опирался на нее, разделял с другими гражданами и честь, и ответственность за главные государственные решения. Очертания несколько непривычные сегодня, но от того не менее жизненные и вполне обычные в тогдашней Европе. В этой связи можно вспомнить польские сеймы, скандинавские риксдаги, французские генеральные штаты, испанские кортесы, английский парламент.

К сожалению, на протяжении почти всего двадцатого века в России тенденция демократического развития пресекалась. Только в последние двадцать лет очертания демократического устройства в российском обществе стали заметно проявляться. В настоящее время складывается достаточно противоречивая картина.

Конечно, проблема власти, государства, статуса народа — это сложное переплетение разных сюжетов политической жизни. Вдумчивые аналитики отмечают те области нашей общественной жизни, которые открываются не всем наблюдателям. Полагать, что страна изменится без сильного движения в разных слоях — это жестокий самообман. Под «социотрясением» поверхности, как называл Б. Грушин, происходят глубинные, порой тектонические сдвиги, и Россия тут не является исключением. Просто не надо так увлекаться оперативной политикой и быстрой событийностью, которую Ф. Бродель называл «пылью истории».

Еще сложнее дело с федеральным устройством нашего государства, с выбором в интервале между империей, нацией-государством, республикой. Но пока Россия — это скорее магнит, сохраняющий полюсность при распаде на малые кусочки: она останется империей даже при сжатии до границ Московской области. Что же до мирного развала на цивилизованные части, то это идея теоретически правильная, но практически нереализуемая и политически проигрышная, а может быть даже самоубийственная.

Непростая складывается ситуация с правоохранительной системой в целом и судебной системой в частности в современной России. Здесь уместно сослаться на постановление пленума Верховного суда Российской Федерации № 19 от 27 сентября 2012 года

«О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». Постановление посвящено вполне реальной проблеме — толкованию права на необходимую оборону. И в первой части выглядит вполне разумным: оно укрепляет это право и защищает права обороняющегося. Однако уже в пункте 6 говорится, что необходимой обороны не составляет противодействие сотрудникам правоохранительных органов.

Первая хитрость заключается в пункте, распространяющем это правило на случаи применения силы «при обеспечении общественной безопасности общественного порядка». Этот ненужный пункт выглядит конъюнктурой и подстрекательством, его противоправный смысл проясняется в связи с пунктом 28. В нем говорится, что действия сотрудников правоохранительных органов (в том числе с применением спецсредств, оружия и боевой техники), принесящие вред здоровью граждан, не подлежат уголовному преследованию, если сотрудник действовал в соответствии с положениями «законов, уставов и иных нормативных правовых актов».

Теперь получается, что если полицейский применил силу в ситуации, выходящей за рамки законных оснований, но по приказу (исполнения которого требует от него устав), то он выведен из-под ответственности. Иначе говоря, получив неопределенный приказ начальства обеспечить порядок, полицейский может идти «метелить» мирных граждан сколько заблагорассудится и без всякой опаски: наказать его за то, что он сломал человеку ребро или ногу в ситуации, которая не подпадает под перечисленные в законе случаи применения силы, невозможно.

Постановление ограждает от ответственности за всевозможные ошибки: если задерживаемым оказывается не тот человек, который совершил преступление, а административное правонарушение, если оказывается, что он несовершеннолетний, — во всех случаях (настаивает Верховный суд) причинение вреда здоровью человека не влечет ответственности. Правоохранители получают право на произвол с условием, что оно будет использоваться против противников режима, на которых им будет указано. Видимо, воля к репрессиям — это, собственно, единственный способ продемонстрировать населению целеустремленность и дееспособность власти.

Приходится только констатировать, что идея перехода от авторитарного или тоталитарного режима к открытому обществу была идеальной «дорожной картой» представлений о будущем страны в 1990-е годы. Но в настоящее время подобная схема представляется неадекватной для понимания положения дел, сложившегося к концу 2000-х годов.

Но еще менее продуктивной она будет в качестве метода сценарного прогнозирования развития страны в ближайшие 10—12 лет. Это умозаключение, по мнению Л. Гудкова, может быть подкреплено следующими аргументами:

— реформаторы (или «модернизаторы», если обозначать их на языке поздних 2000-х) оказались оттеснены от инструментов власти, изолированы от СМИ и других каналов влияния на общество;

— они потеряли связь с материальными интересами больших масс населения (обеспечение существования, безопасности и рост потребления) или не сумели достойно их представлять в публичном поле;

— надежды (или иллюзии) большинства населения на улучшение жизни перехвачены властью [1].

Согласно теории Альберта Отто Хиршмана, в политическом поведении существуют три пути: Выход (Exit), Голос (Voice) и Лояльность (Loyalty) [5]. Ученый считал, что для стабильного развития системе нужно сначала создать новые потребности и постепенно преодолевать отчуждение граждан от политики. В российских условиях опция «Выход» — это отказ от участия в политической жизни ввиду его бесперспективности, которая, в свою очередь, связана с глухотой власти. После Болотной существенная часть горожан выбрала стратегию «Голос», то есть выдвинула определенные требования в надежде быть услышанной. Кто-то, спустя несколько месяцев, не дождавшись обратной связи, нажал на клавишу «Выход», что по-человечески объяснимо. Иные, быть может, даже вернулись к опции «Лояльность», поняв, что бороться за перемены в стране — дело долгое и эмоционально затратное. Но стратегию «Голос» никто не отменял. Причем для кого-то она работает на грани «Выхода», в том числе и буквально — вплоть до получения политического убежища за границей в случае преследований. Кто-то подает голос в рамках опции «Лояльность» — так ведут себя, например, очень многие экономические эксперты, советующие власти. Но главное в «Голосе» — это позитивная программа, это политическое участие, в том числе и в выборах. Другого пути нет, если не выбирать стратегию внутренней или внешней эмиграции.

Данная характеристика политической жизни современной России подтверждается итогами голосования 14 сентября 2014 года. В этот день выборы прошли в 84 субъектах Федерации. В 14 субъектах выбрали законодательные собрания, в 30 — губернаторов. Во всех победили действующие главы, в 29 из них — с большим запасом электоральной прочности. В этих регионах не было даже намека на возможность второго тура. Результа-

ты иногда сопоставимы с теми, что обычно выдают республики Северного Кавказа во время президентских выборов. Так, Н. Меркушин в Самарской области набрал 91,35 %, Б. Дубровский в Челябинской области — 86,37 %, В. Потомский в Орловской области — 89,17 %, В. Шанцев в Нижегородской области 86,93 %, А. Гордеев в Воронежской области — 88,81 %, А. Бочаров в Волгоградской области — 88,52 % голосов избирателей. По мнению экспертов, конечная цифра на выборах говорит скорее об интенсивности использования административного ресурса, а не о реальной степени доверия избирателей.

Специального анализа требуют итоги выборов в региональные законодательные собрания. Можно отметить ряд особенностей прошедшей избирательной кампании. Во-первых, выборы прошли при рекордно низкой явке избирателей. Так, на выборы в Московскую городскую думу пришли 21 % избирателей. В новом составе думы — 28 представителей «Единой России», 10 самовыдвиженцев, поддержанных партией власти, 5 членов КПРФ и по одному депутату от ЛДПР и партии «Родина».

Примерно такая же картина итогов выборов в Тульскую областную думу: 34 депутата от партии «Единая Россия», 2 депутата от КПРФ и по одному депутату от ЛДПР и партии «Родина». Правда, явка на выборах составила 40,77 % избирателей.

Вторая особенность прошедших выборов состоит в том, что слишком много произвола остается на этапе регистрации, сбора подписей и снятия с дистанции кандидатов. Вообще, зона манипуляций сместилась со дня голосования на более ранние этапы, включая игры с законодательством. Разница в том, что в Москве оставили пропорциональную систему выборов и перешли к мажоритарной системе выборов. В других регионах, в том числе в Тульской области, использовали обе избирательные системы.

То, что мы наблюдаем сегодня в России, если называть своими словами, — это, по мнению аналитиков, возвращение к прошлому. Можно назвать этот процесс реставрацией. Здесь же следует упомянуть идею циклического российского развития. Реальный цикл выглядит так: реформа — контрреформа — изоляция — переворот. Контрреформа тогда осуществляется, когда страна закрывается от внешнего мира, а потом соскальзывает в экономическую дыру.

Иначе говоря, это стремление вернуть ситуацию к предыдущему состоянию — *status quo ante bellum*, состоянию, которое было до войны. Для начала необходимо вспомнить, что ее спровоцировало, что за *bellum* такое? По мнению ряда аналитиков, событий, подорвавших стабильность политического режима в России, было три: снижение рейтинга В. Путина на протяжении 2010—2011 годов, относительное поражение «партии власти»

на думских выборах 2011 года и массовые манифестации против фальсификации этих выборов. Основной показатель разворота власти — выстраивание нового механизма взаимоотношений с региональными элитами. Как отмечают специалисты по региональному развитию, навязанная Кремлем система назначения губернаторов ослабила и отчасти разрушила региональные электоральные машины. Раньше они нужны были губернатору, чтобы обеспечить свое переизбрание, а заодно работали на выборах федеральных. Это обеспечивало совпадение интересов.

Восстановление губернаторских выборов понадобилось власти, чтобы вернуть эту связь и работоспособность машин. При этом механизм фильтров исключает доступ к выборам «несистемных элементов», а кроме того позволяет власти вмешиваться в ход кампании. Возвращение к выборности — это не либерализация, а скорее переформатирование правил элитного торга, выстраивание последовательной клиентелистской вертикали. Признание определенной политической автономии региональной власти в обмен на бесперебойную поставку лояльных голосов. Кроме того, на выборах губернаторов использовались договоренности понятийного характера. Конечно, договоренности понятийного характера работают в политике, и не только в России. Но новостью является то, что перевод тайных договоренностей в публичное поле — это признание этической допустимости подобного рода поведения в политике. Участники сделок не сомневаются, что обнародование такой информации ничуть не смутит ничему не удивляющегося избирателя. Правда, это может усугубить политический абсентеизм, а значит, повлечет за собой снижение градуса легитимности власти.

Конечно, Россия — страна ручного управления, а не институтов. Россия — страна понятийных договоренностей, а не закона. Россия — страна договорных матчей в футболе и распилов, заносов, откатов в бизнесе. В политике принципы жизни по понятиям отныне декларируются открыто и с самых высоких трибун, а значит, становятся частью публичной политической культуры. Правда, заодно дискредитируются и партии системной оппозиции, так как избиратель убеждается в их идеологической беспринципности. Справедливости ради можно заметить, что коалиционные договоренности существуют в странах развитой демократии. Практика торговли и обмена голосами между депутатами даже имеет научное название — логроллинг и подробно изучена лауреатом Нобелевской премии по экономике за 1986 год Джеймсом Бьюкененом. Он получил международное признание в качестве ведущего исследователя в области, которая называется теорией общественного

договора и исследует применение экономических методов к сферам, традиционно относящимся к политологии.

Основными категориями анализа являются не такие органические единицы, как нация, государство или партия, а индивидуальные (частные) лица, способные принимать рациональные решения, ведущие к выгоде общества в целом. Теория общественного выбора стремится предсказать, как поведение индивидуальных лиц в их политических ролях избирателей или налогоплательщиков, лоббистов или кандидатов в политические деятели, избранных политиков или членов политических партий, бюрократов или правительственных управляющих и судей может повлиять на состояние политического сообщества в целом. Экономическая же теория, напротив, пытается связать поведение индивидуальных лиц в их экономической роли покупателей или продавцов, производителей или рабочих, инвесторов или предпринимателей с результатами, которые проявляются на уровне экономики в целом.

Изучая политический обмен, Бьюкенен выделяет два концептуально разных уровня общественного выбора — начальный конституционный уровень выбора (до принятия конституции) и постконституционный уровень. Исследование первого уровня предполагает разработку экономической теории конституции, в то время как второй осуществляет разработку экономической теории политических учреждений. Разница между двумя уровнями выбора может быть выявлена как аналогия выбору, который люди делают во время игры. Сначала выбирают правила игры, затем происходит определение стратегии игры в рамках этих правил. В общем виде конституция может быть представлена как набор правил для ведения политической игры. Каждодневные политические действия представляют собой результат игры в рамках конституционных правил [3].

Второй признак возвращения в прошлое — это ставка на «отстающих» и консервативное большинство. Если в первой половине своего правления В. Путин маневрировал между прогрессистско-рыночными настроениями продвинутых слоев и верой периферии в «социально-ориентированный» авторитаризм, то теперь первая часть формулы практически отпала. Это вполне серьезный выбор с точки зрения экономической политики. Декларированные планы по «накачке оборонки», отказ от накопительных пенсий — вполне знаковые элементы выбора в пользу перераспределительного государства, перекачивающего ресурсы из более эффективных и модернизированных секторов в менее модернизированные и эффективные. Этот выбор неизбежный, так как, окончательно потеряв поддержку креативной части общества, власть вынуждена искать ее у отстающей части, кон-

солидировать свое «консервативное большинство». Своеобразной иллюстрацией этого вывода стало назначение на должность постоянного представителя президента в Уральском федеративном округе И. Холманских.

Третий элемент возвращения прошлого лежит в сфере идеологии и выглядит наиболее экзотично. Это ставка на православный фундаментализм. Вещь в России маргинальная, но очень привлекательная для власти тем, что позволяет симулировать идеологическую мобилизацию: войны нет, но общество психологически находится в состоянии войны — за ценности. По этому поводу профессор А. Зубов заметил: «В Русской православной церкви и в российском обществе в целом идет один и тот же процесс изживания советского тоталитарного прошлого и утверждения достоинства свободного человека. По всей видимости, и тут и там он практически одновременно вступил в особо болезненную стадию перехода количества в качество» [2]. Видимо, российская власть пытается копировать политические трюки мусульманского мира. Это еще один шаг в формировании «антизападнической» платформы как способа идеологической легитимации режима, следующая станция после «суверенной демократии».

Четвертый элемент возвращения в прошлое — это выстраивание репрессивного аппарата и репрессивной юриспруденции для борьбы с публичными проявлениями инакомыслия. Здесь необходимо вспомнить целый ряд законов, принятых за короткий период Государственной Думой, — закон о митингах, о неправительственных организациях, о клевете, об Интернете, лишение депутатского мандата Г. Гудкова. Если в середине 2000-х годов была создана система, позволяющая придать иллюзию законности посадке в тюрьму любого, занимающегося экономической деятельностью, то теперь стоит задача перенести этот опыт в сферу гражданской публичной деятельности. Дело М. Алехиной и Н. Толоконниковой, осужденных за панк-молебен «Богородица, Путина прогони!», а также «болотное дело», которое планомерно готовилось, дело по фильму НТВ «Анатомия протеста-2» построены на вменении преступления вместо доказательства наличия его состава. Они призваны создать систему образцов для преследования инакомыслия по уголовным статьям, утвердить ее в сознании общества как новую норму.

Пятый рычаг возвращения в прошлое пока не проявил себя в полный рост. Очевидно, власти испытывают здесь серьезные колебания. В системе, построенной на принципах коррупционной лояльности, момент слабости необходимо преодолевать с помощью антикоррупционной кампании. Такая кампания должна вернуть доверие к власти, а для «своих» стать присягой подтверждения лояльности и чистки рядов. Примером может служить

«дело» предпринимателя В. Евтушенкова. Дисциплинирование элит — центральная задача власти.

Тем не менее, в соответствии с российской традицией государство предстает как одна из главных национальных ценностей. Отсюда проистекает идея о патриотическом воспитании молодежи. Но надо различать «патриотизм» и патриотизм. В версии нынешней российской власти и РПЦ «патриотизм» — это любовь не к стране, а к государству. Любить государство — значит любить нынешнюю власть, которая, как утверждают иерархи РПЦ, от Бога. Значит, те, у кого другой Бог и кто считает нынешнюю власть неправильной и неэффективной, — антипатриоты. И их надо научить Родину любить с помощью правоохранительных органов и судебных инстанций, омовских дубинок и казачьих нагаек. А остальных будут воспитывать телевизором, ДОСААФом, «Зарницей» и ряжеными из числа казаков. Эта линия хорошо прослеживается в связи с войной на востоке Украины. Разумеется, всерьез ничего из этого не выйдет. По крайней мере, до той поры, пока границы страны открыты. Но замутить мозги рядовым гражданам православным официозом и антизападничеством — это можно. Разумеется, «патриотизм» в интерпретации нашей власти включает в себя борьбу с «фальсификациями истории». Но здесь полезно вспомнить выступление К. Симонова на V съезде советских писателей «О советском патриотизме» (1971 год): «...надо, чтобы история была в нашем сознании действительно историей. Нельзя выковыривать из нее только изюминки, как пятилетний ребенок из булочки...переносясь своими чувствами в историю, я не могу сочувствовать Суворову, берущему в плен Костюшко, или желать победы русскому оружию в той битве 1849 года, где гибнет Петефи и будет растоптана независимость Венгрии во имя великодержавных обязательств, данных российским императором австрийскому» [4]. Фактически намек на события 1956 и 1968 годов.

В настоящее время процессы, которые протекают в России и вокруг нее, являются трудными и требуют внимательного рассмотрения. Социологические замеры показывают небывалый рост рейтинга президента В. Путина.

В то же время в общественной жизни современной России проявляются и другие тенденции. Это внушает оптимизм не только отечественным, но и зарубежным общественным деятелям.

Итак, Земский собор 1613 года можно рассматривать как предтечу будущего демократического обустройства российского общества.

Рецензенты:

Брагина Т.А., к.и.н., доцент, заместитель директора НОУ ВПО «Международный юридический институт» (Тульский филиал);

Спириденков Е.Б., к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и общих естественнонаучных дисциплин Тульского филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ.

Список литературы

1. Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации // *Pro et Contra*. 2012. № 3. (55). С. 7.

2. Зубов А. Русская православная церковь совершенно неожиданно оказалась в центре политической борьбы // *The New Times*. 201. № 29.

3. Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: А—РЛ: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. С. 218—219.

4. Симонов К. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 11 (дополн.). М.: Художест. лит., 1985. С. 402—406.

5. Хиршман А. Выход, голос и верность. М.: Новое изд-во, 2009.